

Отзыв

официального оппонента, доктора философских наук К. П. Шевцова на диссертацию В. Н. Пронькина «Практики имитации: история, типология, социальные функции», представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 - философская антропология, философия культуры

Работа Виктора Николаевича Пронькина «Практики имитации: история, типология, социальные функции» посвящена, безусловно, интересной теме; заявленное рассмотрение этой темы в антропологическом фокусе выглядит достаточно обоснованно; стоит приветствовать и отчаянно смелую попытку представить собственную концепцию имитации, и серьезную попытку практической привязки темы к определенным образовательным проектам. В трех главах диссертации дается сначала некий набросок того, что диссертант называет «стандартной теорией имитации», затем излагается оригинальный подход, в завершающей главе развернутым образом представлены образовательные проекты, разработанные на основе авторского понимания имитационных практик.

Во Введении и автореферате диссертант указывает на то, что тема имитации и подражания претерпела долгую историю, но так и не привела к выработке удовлетворительной теории, и причиной этому в частности был недостаточный интерес к «феноменам повседневной жизни»; в современной мысли путь к новой теории открывает, во-первых, ситуация постмодерна, «когда доминирующим становится игровое отношение к миру, интерес к имитационным практикам обретает более прочное основание» (с. 3), во-вторых, психологические и нейрофизиологические исследования, к результатам которых регулярно отсылает автор, и, наконец, концепция «нарративного Я» Д. Деннета, которая служит отправной точкой для авторской концепции имитации. Вполне убедительно звучит заявление о том, что «создание философско-антропологической концепции феномена

имитации открывает перспективу нового взгляда на многие традиционные проблемы философии и культурологии, что имеет как теоретическое, так и практическое значение» (с. 5). Впрочем, на следующем шаге обещания диссертанта начинают немного настораживать, поскольку в разделе актуальности исследования, который предполагает указание актуальности данного исследования, а не какого-то другого, автор пишет о необходимости «систематизации всех знаний о феномене имитации, как естественнонаучных, так и исторических, этнографических, искусствоведческих», а также о «необходимости создания общей философско-антропологической концепции имитации» (с. 6). При всем желании обнаружить подобную систематизацию в представленной работе невозможно, да и вряд ли возможно осуществление подобно проекта в принципе. По этой причине выглядит странным и последующее заявление диссертанта, будто предметом его исследования «являются имитационные практики, взятые во всем историческом и культурно-типологическом многообразии, в единстве всех выполняемых ими функций» (с. 10). Для кандидатской работы достойным является как постановка достаточно узких проблем, так и попытка широкой концептуализации той или иной темы, но в любом случае желательно иметь более ясное представление о своих возможностях и о соразмерности заявленной задачи и полученных результатов.

Чтобы подготовить плацдарм для собственной концепции имитационных практик, диссертант в первой главе бросает взгляд на традиционные подходы к подражанию и имитации и на то, какое значение придается им в образовательном и воспитательном процессе. Начиная с Гомера и античных трагиков и вплоть до Ницше и Витгенштейна, автор отслеживает действие того, что он называет «стандартной моделью» имитационных практик; согласно этой модели «образцы человеческого совершенства сообщают информацию о том, как жить успешно. Эта информация может быть связана с возможностью и ценностью определенного образа жизни, или она может быть о том, как совершать специфические

действия. Информация, предлагаемая образцами совершенства, может абстрагироваться от определенных действий модели и преподноситься в иных контекстах и практиках» (с. 42). По-видимому, эта модель действительно воспроизводит привычное понимание имитации, однако по какой-то причине диссертант не считает важным разъяснение понятия «человеческого совершенства», которым постоянно пользуется. Между тем выбор модели для подражания, определение идеала всегда были составной частью любой практики имитации, и сам диссертант потратит много страниц для объяснения выбора объекта подражания, когда перейдет к собственной теории имитации, но почему-то он не видит ни самой этой проблемы, ни способов ее решения у своих предшественников в этой области.

Вообще нужно признать, что первая глава оставляет слабое впечатление и по уровню анализа, и в силу отсутствия какого-либо ясного принципа отбора материала. Не всегда обширные цитаты, приводимые автором, встраиваются понятным образом в текст, утверждения о данных социальных исследований и социологических опросов (с. 19, 20) появляются без ссылок на опубликованные материалы. Иногда автор допускает странные противоречия в отношении центральных понятий исследования (см. с. 22, где подражание определяется через следование цели без воспроизведения тех же средств, тогда как примеры показывают воспроизведение действия при полном безразличии к его исходной цели). Не совсем понятны и исторические координаты, с которыми работает диссертант, учитывая, например, что эпоха Просвещения у него начинается с Декарта, а с другого края захватывает Эмерсона.

Ситуацию существенно исправляет вторая глава, в которой излагается авторская концепция имитации. Безусловно, это самая сильная часть, которая, по-видимому, потребовала наибольших затрат времени и усилий, и наличие такой части достаточно, чтобы поддержать работу. Перейдем к существу этой концепции. Базируясь на результатах психологических и нейрофизиологических исследованиях, диссертант отстаивает идею

непосредственного единства восприятия и действия, в соответствии с которой каждое восприятие осуществляется как ответное действие, воспроизводящее определенные черты воспринимаемого явления, и в этом смысле оно является по существу имитационным. Иными словами, имитация вызывается не «образом совершенства», а представляет собой вообще основной способ отношения к внешнему миру и его воздействию на человека, и поэтому ключевым вопросом оказывается не то, «почему некоторые действия, которые мы воспринимаем, мотивируют имитационные действия; скорее вопрос состоит в том, почему мы не подражаем всем действиям, которые мы воспринимаем» (с. 76). Ответ на этот вопрос диссертант видит в том, что определенные типы имитации подпадают под запрет, поскольку вступают в противоречие с конституцией нашего Я. Чтобы определить условия такого запрета диссертант обращается к концепции «нарративного Я» Д. Деннета, полагая, что именно она объясняет формирование определенной концепции Я, а также некой системы ценностей, составляющей ориентир для действия этого Я.

Такой ход мысли представляется как минимум интересным. Схематически он воспроизводит концепцию представления А. Бергсона. Чтобы возник образ как ограниченный участок света, рассуждает Бергсон, необходимо выйти из ситуации, в которой материя реагирует на все внешние воздействия и тем самым растворяется в этом тотальном свете действий и реакций. Ограничение задается наличием организма как зоны индетерминации, или выбора, выделяющего лишь те внешние действия, которые значимы для него и, соответственно, ограничивающего свои реакции. Различие двух концепций состоит однако в том, что у Бергсона объясняется, как именно происходит это ограничение, и в этом состоит философский смысл его знаменитой оппозиции длительности и протяженности. Диссертанту, несмотря на все его усилия, не удастся прояснить, как именно нарративное Я, пребывающее на стороне символического, и конституированное историями о прошлом, может стать ограничительной силой в отношении импульсивной

природы наших подражательных реакций. Хотелось бы, чтобы этот вопрос был поставлен более явно, и тогда, возможно, станут понятны и другие трудности этой концепции, которые, по-видимому, и не позволяют так легко переносить это понятие имитации на традиционные контексты, в которых имитация связывается с совершенством. Возможно, обсуждение этого вопроса продвинет исследование и еще в одном отношении. Все мы понимаем, что хотя подражание и является своеобразным инстинктом, оно также является и той частью нашей инстинктивной природы, которая культивируется и на основе которой выстраиваются самые различные социальные и индивидуальные практики. Похоже, что это различие двух сторон имитации не очень хорошо понятно автору, и это является одной из причин, по которой он избегает обсуждать взаимодействие в реальном воспитательном процессе имитационных практик и практик рациональных, связанных с анализом сложного действия, разделением целей и средств, объяснением причинно-следственных связей и пр.

Указанные недостатки скорее стоит оценивать как следствие чрезвычайной сложности выбранной темы и поставленной диссертантом проблемы. Полученный результат является положительным и обнадеживающим, так что нерешенные задачи могут пониматься и как реальные перспективы для дальнейшей исследовательской работы. В целом следует заключить, что диссертация выполнена на достойном научном уровне, является логически связанной. Работа оформлена в соответствии с предъявляемыми ВАК требованиями, автореферат отражает ее содержание, имеется достаточное количество публикаций в рецензируемых научных журналах, также отражающих содержание данного исследования. Материал диссертации прошел апробацию на российских и международных научных конференциях и достаточно полно представлен в опубликованных работах.

Основные положения и выводы, содержащиеся в тексте диссертации, изложены в автореферате точно и обстоятельно. Публикации в журналах, входящих в Перечень российских рецензируемых научных журналов,

отражают результаты проведенной работы. Выполненное исследование соответствует требованиям пп. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» № 842, утвержденного Правительством РФ 24 сентября 2013 г. и паспорту научной специальности 09.00.13 - философская антропология, философия культуры.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что Пронькин В. Н. заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 - философская антропология, философия культуры.

Официальный оппонент
Шевцов Константин Павлович, профессор
кафедры философии и социальных коммуникаций
ФГБОУ ВО "Санкт-Петербургский
государственный университет гражданской авиации",
доктор философских наук (09.00.01 – онтология
и теория познания, 24.00.01 - теория и история культуры)

Почтовый адрес:

196210, Санкт-Петербург, ул. Пилотов, 38

Контактный телефон: 8(812) 704-18-18 e-mail: info@spbguga.ru

24 апреля 2018 г.

